

Ночлег Франсуа Вийона

Автор:

Роберт Льюис Стивенсон

Ночлег Франсуа Вийона

Роберт Льюис Стивенсон

Эксклюзивная классика (АСТ)

Повести и рассказы, вошедшие в этот сборник, представляют Стивенсона в самом расцвете его незаурядного таланта писателя-романтика.

Занимательные, зачастую не лишённые мистики приключенческие сюжеты и тонко прописанная атмосфера, яркие персонажи, пряный аромат былых эпох, мягкий юмор и превосходный язык – все это и сейчас способно заставить биться быстрее сердце читателя.

Также в сборник вошел последний роман Стивенсона «Уир Гермистон», увы, так и оставшийся незаконченным, но, по мнению многих исследователей творчества писателя, обещавший стать лучшим из его крупных произведений.

Роберт Луис Стивенсон

Ночлег Франсуа Вийона

Robert Louis Stevenson

A LODGING FOR THE NIGHT

© Перевод. И.П. Родин, 2020

© Перевод. Т.А. Осина, 2020

© Перевод. И.М. Бернштейн, наследники, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Ночлег Франсуа Вийона

Был конец ноября 1456 года. Снег засыпал Париж с неумолимой, безжалостной настойчивостью: порывы ветра то подхватывали его и закручивали в летящие над землей воронки, то спадали, и тогда снежные хлопья спускались с темных небес медленно, неотвратно и нескончаемо. Проходим, смотревшим в вышину из-под намокших бровей, казалось, что только чудом можно объяснить, откуда берется столько снега. У Франсуа Вийона, который наблюдал за снегопадом, стоя у окна таверны, было на этот счет два предположения: либо это сам бог Юпитер ощипывает гусей на Олимпе, либо ангелы линяют. «Но кто я такой? – продолжил свои размышления Франсуа, – всего лишь магистр искусств, который в вопросах, касающихся божественного, ничего не смыслит». Старый придурковатый священник из Монтаржи, сидевший с их компанией, угостил молодого магистра бутылкой вина, оценив его шутку и гримасы, которые ее сопровождали, а затем поклялся своей седой бородой в том, что в возрасте Вийона и сам был таким же богохульником.

Ветер дул сырой и колючий, только-только начинало подмораживать; хлопья падали крупные, влажные и липкие. Весь город словно накрыло пуховым одеялом. Вражеская армия могла бы промаршировать из одного его конца в другой, и никто бы не встрепенулся, чтобы протрубить тревогу. Если бы сейчас в небе парила припозднившаяся птица, остров Сите предстал бы ей как огромная белая заплата, а мосты, как тонкие белые стежки на черном рукаве реки. Высоко над землей снег облепил ажурные башни собора. Часть ниш на фасаде занесло полностью; многие статуи словно нацепили огромные белые шляпы на свои гротескные или святые, с нимбами, головы. Горгульи превратились в

чудовищные фальшивые носы, свисавшие долу. Резной орнамент из листьев стал походить на взбитые подушки, завалившиеся набок. Между порывами ветра было слышно, как глухо звенит капель, ударяясь о плиты паперти.

Кладбище Сен-Жан тоже получило свою порцию снега. Могилы были прилично укрыты; дома с высокими белыми крышами выстроились вокруг в торжественном строю; богатые буржуа уже давно почивали в постелях, напялив ночные колпаки, так напоминавшие крыши их обиталищ. Нигде не виднелось ни огонька, только фонарь, висевший на церковных хорах, раскачиваясь, бросал короткие отсветы, разгоняя тени. Еще не было десяти, когда мимо кладбища, похлопывая от холода руками, прошли стражники с алебардами и фонарями; им ничего не показалось подозрительным в этих местах.

Однако тут был небольшой домишко, притулившийся к кладбищенской стене, в котором еще не спали, и не спали по причине каких-то темных делишек, посреди всей этой мирно сопевшей во сне округи. Правда, домишко ничем себя не выдавал; лишь дымок сочился из трубы на крыше, вокруг которой обтаял снег, да нечеткие отпечатки следов от ног виднелись перед входной дверью. Но внутри за плотно закрытыми ставнями окон магистр Франсуа Вийон – поэт – и несколько воров из шайки, к которой он примкнул, проводили ночь, распивая вино.

От груды раскаленных углей в сводчатом камине тянуло сильным жаром. Прямо перед огнем расположился почтенный Николас, монах из Пикардии, который, подобрав сутану повыше, расставил свои толстые голые ноги, чтобы согреться. Его огромная тень рассекала комнату пополам; свет от камина мог лишь обтекать грузное тело по бокам, да разливаться небольшой лужицей у его ног. Обрюзгшее лицо монаха выдавало закоренелого выпивоху; в обычных обстоятельствах оно было сплошь покрыто сеткой прожилок багрового цвета, но сейчас бледно-фиолетовых – хоть пикардиец и сидел спиной к огню, холод все равно щипал его спереди. Капюшон сутаны монах наполовину откинул и от этого словно два странных нароста образовались по бокам его бычьей шеи. Так он и сидел, широко расставив ноги, что-то ворча, и тень от его тучной фигуры надвое рассекала комнату.

Справа от него устроились Вийон и Ги Табари. Оба склонились над обрывком пергамента: Вийон писал балладу, которую собирался назвать «Балладой о жареной рыбе», а Табари лопотал что-то восторженное у него над плечом. Поэт на вид был потертым мужчиной, смуглым, маленького роста и худым, с

ввалившимися щеками, с редкими черными волнистыми волосенками. Алчность залегла сеткой морщин вокруг глазок, от злой улыбки кривились губы. В его чертах волк и свинья боролись между собой. Это было лицо острое и отвратительное, красноречиво свидетельствующее о том, что его обладатель полностью отдался земной суете. Маленькие руки с цепкими, узловатыми, как веревки пальцами, постоянно мелькали у него перед лицом в резкой и выразительной жестикуляции. Что до Табари, то его неотесанность, услужливость и восторженная глупость прекрасно сочетались с вечно хлюпающим носом и слюнявым ртом: он стал вором, а мог бы с таким же успехом стать благопристойным буржуа, если бы не воля случая, который правит судьбами людей из породы гусей и ослов.

По левую руку от монаха резались в карты Монтины и Тевенин Пенсет. В первом из них явственно проступали черты аристократа. Он напоминал падшего ангела: стройный, гибкий, с изысканными манерами, в выражении лица что-то мрачное и орлиное. А вот бедняга Тевенин был полон благодушия: сегодня днем в предместье Сен-Жак ему удалось удачно повернуть одно дельце, и вот сейчас он все время обыгрывал Монтины. Широкая улыбка не сходила у него с лица; обрамленная рыжими кудряшками огромная лысина лучилась нежно-розовым светом; торчащий живот колыхался от едва сдерживаемого смеха, когда он сметал со стола очередной выигрыш.

– Удвоим или закончим? – спросил Тевенин.

Монтины мрачно кивнул.

– «Одни предпочитают пышный ужин», – писал Вийон, – «Хлеб с сыром, но на серебре. Или...» Или? Ну-ка, подскажи, Гвидо!

Табари захихикал.

– «Иль лишь петрушку, но на золоте», – нацарапал поэт.

Ветер снаружи усиливался, гнал перед собой плотные облака снега, а временами начинал победно завывать или стенать замогильным голосом в трубе. Мороз к ночи стал крепчать. Сложив губы в трубочку, Вийон изобразил шум ветра: нечто среднее между свистом и воем. Это был еще один талант, который наводил жуть на пикардийца, и из-за которого тот терпеть не мог

поэта.

– Слышишь, как он воеет у виселицы? – спросил Вийон. – Они сейчас там болтаются, отплясывают дьявольскую джигу. Пляшите, пляшите, кавалеры, вам больше никогда не согреться! О, вот это удар! Сейчас кто-то из них шмякнется об землю. Одним плодом меньше на трехногой мушмуле! Я говорю, почтенный Николас, холодно, наверное, сейчас на дороге в Сен-Дени?

Монах мигнул и чуть не поперхнулся, судя по тому, как заходило адамово яблоко у него на горле. Как раз у дороги на Сен-Дени стояла самая отвратительная в Париже виселица Монфокон, и упоминание о ней крепко его задело. А вот Табари понравилась шутка про мушмулу – никогда еще он не слышал, чтобы об этом так беззаботно говорили. Схватившись за бока, он разразился громким каркающим хохотом. Вийон щелкнул его по носу, отчего тот сразу же зашелся кашлем.

– Все, прекрати! – приказал поэт. – Лучше придумай рифму к слову «рыба».

– Удвоим или закончим? – упрямо повторил Монтиньи.

– С нашим удовольствием, – откликнулся Тевенин.

– В бутылке что-нибудь осталось? – спросил монах.

– Открой еще одну, – предложил Вийон. – Интересно, каким образом ты надеешься такими маленькими бутылками залить брюхо размером с бочку? И как рассчитываешь попасть в рай? Сколько ангелов потребуется, чтобы отнести туда одного монаха из Пикардии? Или думаешь, что ты новый Илья-пророк, и они подгонят тебе таратайку?

– *Hominiibus impossibile*[1 - Для человека сие невозможно (лат.)], – ответил монах и наполнил свой стакан.

Табари был в полном восторге.

Вийон еще раз щелкнул его по носу.

– Смейся моим шуткам, если уж приспичит, – сказал он.

– Но это было здорово, – запротестовал Табари.

Глядя на него, Вийон поморщился и произнес:

– Лучше придумай рифму для «рыбы». Что тебе до латыни? Хорошо бы тебе ничего не знать из нее, в особенности, когда предстанешь на Страшном суде, и дьявол призовет к себе Гвидо Табари-клирика, тот самый дьявол, у которого горб на спине и раскаленные докрасна когти. Кстати, о дьяволе, – добавил он шепотом, – посмотрите на Монтиньи.

Все трое исподтишка глянули на игрока. Тому явно не везло. Рот у него слегка скривился набок; одна ноздря запала, другая раздувалась. Черный пес сидел у него на спине – так часто говорили, когда хотели напугать детей; он с трудом дышал под тяжестью своей ужасной ноши.

– Монтиньи готов пустить в ход нож, – прошептал Табари с округлившимися глазами.

Монах пожал плечами и отвернулся, а потом протянул ладони к тлеющим углям. Холод беспокоил его сейчас больше, чем чья-то чрезмерная моральная чувствительность.

– Ладно, – сказал Вийон, – давай займемся балладой. Что у нас тут, наконец, получилось? – И отбивая такт рукой, начал вслух читать ее Табари.

На четвертой строке их прервал звук со стороны игроков. Кон был завершен, и Тевенин едва открыл рот, чтобы объявить еще об одной победе, как Монтиньи наклонился вперед и по-змеиному, молниеносно ударил его кинжалом прямо в сердце. Смерть наступила еще до того, как жертва смогла вскрикнуть или отпрянуть в сторону. Пару раз тело Тевенина конвульсивно дернулось, ладони раскрылись и сжались, пятки забарабанили по полу, затем голова скатилась на плечо, а глаза так и остались широко открытыми; душа покойного вернулась к Тому, кто создал ее.

Все тут же вскочили, но дело было закончено в два счета. Четверо оставшихся в живых с заметным страхом посмотрели друг на друга, а мертвец устался в угол потолка, странно и мерзко скосив глаза.

- О господи! - воскликнул Табари и начал вслух молиться на латыни.

Неожиданно Вийон истерически засмеялся, шагнул вперед, отвесил Тевенину нелепый поклон и захохотал еще громче. Потом так же неожиданно упал на стул, продолжая натужно смеяться, словно был не в силах остановиться.

Монтињи первым пришел в себя:

- Давайте посмотрим, что при нем, - натренированным движением очистил карманы покойника, а потом разделил на столе все деньги на четыре равные кучки. - Это вам, - сказал он.

Тяжело вздохнув, монах забрал свою долю и бросил короткий взгляд на мертвого Тевенина, который сполз на стуле и завалился набок.

- Мы все в этом замешаны! - воскликнул Вийон. - Это грозит виселицей каждому из нас! - Вскинув правую руку, он провел ею вокруг горла, изображая петлю, вытянул ее вверх и словно повис на веревке, свесив голову набок и высунув язык, как бывает с повешенными. А потом отправил свою долю от мародерства в карман и зашаркал по полу, будто пытаясь восстановить кровообращение в ногах.

Последним пришел в себя Табари; он схватил деньги, а потом забился в дальний угол комнаты.

Монтињи усадил мертвеца на стуле в прямом положении и выдернул кинжал. Из тела струей хлынула кровь.

- Вам, ребята, лучше бы убраться отсюда, - заметил он, вытирая окровавленное лезвие о дублет жертвы.

- Думаю, да, - согласился Вийон, сглотнув. - О, черт! Эта его здоровенная башка! - вдруг завопил поэт. - Она давит на меня и душит, как комок мокроты в

горле. Какое право имеет человек оставаться рыжим и после смерти? – Рухнув на табурет, он закрыл лицо руками.

Монтиньи и почтенный Николас громко рассмеялись, даже Табари робко присоединился к ним.

– Поплачь, малыш, – предложил монах.

– Я всегда говорил, что он – баба, – добавил Монтиньи с кривой усмешкой. – Сиди прямо, не можешь что ли? – продолжил он, встряхнув мертвеца. – Затопчи огонь, Ник.

Но у Ника нашлось занятие получше; он тихонько вытащил кошель у Вийона из кармана, пока тот, ослабев, сидел на том же самом табурете, на котором незадолго до этого писал балладу. Монтиньи и Табари, выразительно глядя на монаха, молча потребовали свою долю, на что тот, так же молча, пообещал им поделиться и сунул тощий кошелек себе за пазуху. Артистическая натура всегда проигрывает натурам практическим.

Стоило жулику закончить свое дело, как Вийон востропнулся, вскочил и стал помогать раскидывать и затапывать угли. Тем временем Монтиньи отворил дверь и с опаской выглянул на улицу. Путь был чист; никаких следов надоедливых стражников. Тем не менее, было принято решение уходить поодиночке; и так как Вийону не терпелось поскорее избавиться от соседства с трупом Тевенина, а остальные еще сильнее торопились избавиться от него самого, пока он не обнаружил пропажу денег, то, по общему согласию, поэт стал первым, кто вышел из домика на улицу.

Ветер праздновал свою победу, очистив небо от облаков. Вместо них остались лишь прозрачные, словно лунный свет тени, которые скользили в вышине, время от времени заслоняя собою звезды. Подморозило еще больше, а из-за обычного оптического обмана все вокруг стало выглядеть совсем по-другому, чем при свете дня. Спящий город был абсолютно неподвижен; собрание белых крыш, пространство, заполненное невысокими горками под мерцающими на небе звездами. Ну почему снег прекратился! Теперь, куда бы он ни направился, у него за спиной на сверкающих мостовых останутся отчетливые следы; куда бы ни направился, он будет привязан к домишку возле кладбища Сен-Жан; куда бы ни направился, он сам, своей тяжелой поступью сплетет веревку, которая свяжет

его с преступлением и приведет на виселицу. У него в памяти вновь отчетливо возник косой, злобный взгляд покойника. Словно подбадривая себя, Вийон прищелкнул пальцами, выбрал направление наугад и отважно двинулся вперед по заснеженной мостовой.

Две картины предстали перед его мысленным взором: как выглядит виселица Монфакон сейчас, в столь поздний час ясной, ветреной ночи – это, во-первых; а во-вторых, вид мертвеца с остатками рыжих волос вокруг лысины. От обеих картин ледяной холод сдавливал сердце, поэтому Вийон все ускорял шаг, как будто таким образом можно было с легкостью избавиться от горьких мыслей. Время от времени он нервно оглядывался через плечо, но на улице, кроме него, не было ни души, и только ветер, выворачивая из-за угла, поднимал и нес с собой снег, который уже начал смерзаться в потоки сверкающей пыли.

Вдруг он заметил в дальнем конце улицы какое-то темное пятно и огоньки фонарей. Пятно приближалось, а фонари раскачивались, словно их несли шагавшие люди. Это был отряд стражников. И хотя они должны были всего лишь пересечь ему путь, Вийон решил, что будет умнее не попадаться им на глаза и скрыться, как можно скорее. Ему не улыбалось, чтобы его окликнули, а кроме того, он понимал, что представляет собой бросающуюся в глаза цель на снегу. Слева от него возвышался огромный особняк с башенками и портиком перед входом. Вийон вспомнил, что это здание порядком разрушено и уже давно пустует. Он сделал три шага и заскочил под портик. После улицы со сверкавшим снегом, там оказалось довольно темно. Он осторожно двинулся вперед, вытянув перед собой руки, и вдруг наткнулся на непонятную преграду, которая одновременно казалась твердой и мягкой, плотной и податливой. Сердце ушло в пятки, он отскочил назад и с ужасом вгляделся в темноту, пытаясь рассмотреть возникшее препятствие. Потом тихо рассмеялся, с облегчением. Это была всего лишь женщина, и к тому же мертвая. Вийон присел на корточки рядом, чтобы убедиться в этом. Тело женщины стало твердым, как деревянная колода. На ветру слегка трепетали обрывки кружевной наколки в волосах, щеки женщины были густо нарумянены. В карманах пусто, но в чулке под подвязкой Вийон обнаружил пару мелких серебряных монеток. Совсем ничто! Но хоть так. Поэта вдруг тронуло до глубины души то, что ей пришлось умереть до того, как она успела истратить эту мелочь. Ему показалось, что за всем этим кроется какая-то мрачная, достойная жалости история. Он перевел взгляд с монеток в своей руке на женщину, а потом обратно и покачал головой – как все-таки много загадок задает человеческая жизнь! Генрих V Английский умер в Венсенне сразу после того, как захватил Францию, а эту бедняжку мороз настиг на пороге дома кого-то из сильных мира сего, причем она так и не успела истратить пару своих монет

– как трудно вынести жестокость этого мира! На две монетки удовольствия много не купишь; однако их было вполне достаточно, чтобы ощутить вкус чего-то сладенького, прежде чем дьявол заберет душу, а тело пойдет на корм птицам и крысам. Что до него, то пусть уж свечка догорает до конца, прежде чем ее задуют и разобьют фонарь.

Пока подобные мысли роились в его голове, он машинально стал нащупывать в кармане свой кошель. И вдруг сердце у него замерло, мурашки поползли по коже, и словно ледяной удар обрушился на голову. Вийон некоторое время стоял, словно окаменевший, устремив невидящий взор в пространство, затем осознание потери навалилось на него, и тут же его бросило в пот. Деньги для кутил – что-то вроде тонкой вуали между ними и их наслаждениями! Существует лишь одно ограничение для их наслаждения – время. Проматывая каких-то несколько крон можно ощущать себя римским императором ровно до того момента, пока они не кончатся. Для таких людей, как он, потерять деньги означало пережить огромное несчастье, из рая грохнуть в ад, в мгновение ока лишиться всего и впасть в ничтожество. Но хуже всего, ради этих денег он сунул голову в петлю; и ведь его могут вздернуть хоть завтра из-за этого самого кошелька, с таким трудом добытого и так глупо потерянного! Грязно выругавшись, Вийон швырнул две белые монетки на мостовую, вскинул кулаки над головой и потряс ими, грозя небу, затем затопал ногами и совершенно не ужаснулся тому, что попирает мертвое тело. Потом бросился назад по своим следам, чтобы вернуться в домик у кладбища. Он совершенно забыл о своем страхе перед встречей с ночными стражниками, которые в любом случае ушли куда-то. Никаких других мыслей у него не было, кроме как о потерянном кошельке. Напрасно Вийон вглядывался в снег слева и справа от дороги: ничего похожего на кошелек не было видно. Он не мог обронить его на улице. Может, потерял его там, в домике? Ему безумно хотелось вернуться и поискать, но мысль о мертвом обитателе того жилища лишала его воли. А когда Вийон все-таки добрался туда, то понял, что их усилия потушить огонь в камине не увенчались успехом; наоборот, теперь внутри дома бушевало пламя; оно пробивалось сквозь щели в двери, лезло в окна, и тогда к нему вернулся ужас, который вызывали власть и парижская виселица.

Вийон двинулся назад к особняку, а там начал рыться в сугробе в поисках монеток, которые выкинул в порыве досады. Но смог найти только одну; другая, скорее всего, упала на ребро, и утонула глубоко в снегу. С одной этой мелкой монеткой в кармане все его мечты о бурной ночи в какой-нибудь веселой таверне улетучились полностью. И не только удовольствие, смеясь, выскользнуло из его рук; реальные лишения и боль навалились на него, пока он

стоял перед портиком особняка. Пот на нем высох; хотя ветер утих, мороз, однако, крепчал с каждым часом, и поэт почувствовал, что коченеет и начинает заболеть. Что оставалось делать? Несмотря на поздний час, несмотря на сомнения в успехе, ему нужно было попытаться устроиться на ночлег в доме своего приемного отца, священника при Сен-Бенуа.

Он бежал туда всю дорогу, а оказавшись перед дверью, робко постучал. Никакого ответа! Вийон стучал снова и снова, и, наконец, послышался звук шагов. В обитой железными гвоздями двери открылось зарешеченное окошко, и оттуда хлынул поток желтого света.

- Приблизь лицо к окошку, - скомандовал изнутри голос священника.

- Это я, - прохныкал Вийон.

- О, это ты, да? - откликнулся священник и осыпал его ругательствами, совершенно непозволительными для богослужителя, а потом пожелал позднему гостю провалиться в ад, откуда тот, судя по всему, и прибыл.

- У меня руки заледенели до синева, - умолял Вийон, - ноги перестали слушаться и ноют при ходьбе, нос заложен от морозного воздуха. Я могу околеть к утру. Только на этот раз, отец, и я больше никогда не попрошу!

- Надо было явиться раньше, - холодно заметил священник. - Время от времени, молодые люди должны получать уроки от жизни. - Окошко захлопнулось, и он ушел.

Вийон был вне себя и заколотил в дверь руками, потом ногами, хрипло закричал вслед священнику:

- Лицемерный старый лис! Если бы я смог добраться до тебя, ты бы у меня полетел вверх тормашками к черту на рога.

Где-то в глубине дома хлопнула дверь, совсем глухо из-за дальнего расстояния. Вийон закрыл рот рукой, чтобы удержаться от богохульства. И тут вдруг он осознал комичность ситуации, засмеялся и возвел глаза к небу, где звезды словно подмигивали, забавляясь над ним.

И что теперь делать? Похоже, ему придется провести ночь на морозе. Он неожиданно вспомнил замерзшую женщину, и это вызвало в нем прилив ужаса; то, что произошло с ней в начале ночи, может запросто случиться с ним до наступления утра. Но он ведь еще так молод! У него впереди еще столько безумств и неистовых забав! Вийон вдруг испытал жалость к самому себе, словно смотрел на все это со стороны, и представил как утром найдут его окоченевшее тело.

Он оценил все возможности, вертя монетку между большим и указательным пальцами. Увы, поэт был в весьма плохих отношениях со старыми друзьями, которые когда-то выручали его в подобных случаях. Вийон писал на них стихотворные пасквилы, нападал на них, обжуливал их; а сейчас, находясь в крайней нужде, он подумал, что, по крайней мере, один из них может сжалиться над ним. Это был его единственный шанс, и он непременно попробует воспользоваться им.

По дороге два незначительных обстоятельства заставили его взглянуть на свою ситуацию совсем иначе. Первое – он наткнулся на следы ночной стражи и прошел по ним несколько сотен ярдов, хоть они вели в другом направлении. И это здорово приободрило его: наконец-то ему удастся запутать свои следы. Вийон так и не смог расстаться с мыслью, что за ним охотятся по всему Парижу и схватят утром, прежде чем он успеет проснуться. Другое обстоятельство подействовало на него противоположным образом. Он добрался до места, где несколько лет назад волки загрызли женщину с ребенком. В эту ночь погода располагала к тому, чтобы волкам вздумалось снова наведаться в город. И тогда одинокому путнику несдобровать на этих пустынных улицах. Он остановился и с отвращением оглядел перекресток – место пересечения нескольких улиц; затем внимательно всмотрелся в дальний конец каждой из них и, затаив дыхание, вслушался, не раздастся ли топот, мчавшихся по снегу черных тварей или вой со стороны реки. Вийон вспомнил, как мать рассказывала ему эту историю, и указала на это место, когда он был еще ребенком. Его матушка! Если бы знать, где она теперь, у него точно было бы где скоротать ночь. Надо будет навести о ней справки как-нибудь. Нет, он обязательно справится о ней и встретится с бедной старушкой! Погруженный в свои мысли Вийон добрался до дома – здесь была его последняя надежда устроиться на ночь.

В доме было темно, как и в соседских; он легонько постучал несколько раз в дверь и услышал, что наверху открылось окно и оттуда тихо поинтересовались: «Кто там?» Громким шепотом поэт назвал себя и стал, не без волнения, ждать,

чем все закончится. Ждать пришлось недолго. Окно вдруг снова отворилось, и оттуда прямо на ступеньки выплеснули ведро помоев. Нельзя сказать, что Вийон не был готов к такому повороту событий, поэтому успел шмыгнуть под козырек крыльца, но, несмотря на это, вся одежда на нем от пояса до пят вымокла. На морозе штаны схватились тут же. Перспектива замерзнуть до смерти в мокрой одежде стала абсолютно реальной; он тут же вспомнил, что у него есть предрасположенность к туберкулезу и закашлял. Серьезность угрозы, возникшей перед ним, заставила его взять себя в руки. Остановившись в нескольких ярдах от дома, где с ним так грубо обошлись, он приложил палец к носу и задумался. У него оставался только один способ устроиться на ночлег, и им надо было воспользоваться. Вийон обратил внимание на дом, стоявший неподалеку, и решил, что без труда сможет в него проникнуть. Он быстро направился к нему, представляя по пути картины еще теплой комнаты, стола, полного остатков от ужина, где он сможет провести время до рассвета, и откуда утром уйдет, прихватив дорогие тарелки. Даже придумал, какую еду, и какие вина предпочтет; и пока он составлял список любимых деликатесов, жареная рыба всплыла в памяти, вызвав в нем смешанное чувство веселья и ужаса.

– Я никогда не закончу эту балладу, – сказал себе Вийон и содрогнулся от воспоминания: – О, эта чертова здоровенная башка! – с жаром воскликнул он и плюнул в снег.

На первый взгляд в доме, к которому он приблизился, царил темнота; но во время поиска самого уязвимого места для проникновения внутрь, Вийон заметил слабое мерцание огня за занавешенным окном.

– Вот дьявол! – выругался поэт. – Они еще и не ложились! Наверное, какой-нибудь школяр или святоша-богомolec, чтоб им... Неужели нельзя напиться в хлам, рухнуть в постель, и храпеть, как все в округе! Зачем тогда нужен вечерний звон, которым объявляют, что нужно гасить все огни, зачем тогда стараются бедняги звонари, которые, как черти, раскачиваются на веревках, на своих колокольнях? Зачем тогда нужен день, если работают по ночам? Ладно, пусть им будет хуже! – Он усмехнулся, сообразив, куда его завела логика. – В конце концов, каждый занимается тем, чем хочет. – И добавил: – Если они не спят, по воле божьей, тогда я самым честным образом попрошусь к ним на ужин, и так обеде дьявола вокруг пальца.

Решительно подойдя к двери, Вийон громко постучал. Два предыдущих раза он делал это робко, опасаясь привлечь к себе внимание. Однако сейчас, когда

мысль о том, чтобы проникнуть в дом со взломом была им отброшена, постучать в дверь, не таясь, показалось ему действием простым и невинным. Удары разнеслись по дому и глухо отозвались в глубине, словно там было пусто; но не успели они затихнуть вдали, как послышалась чья-то мерная, неторопливо приближавшаяся поступь, затем звук снятых запоров, и одна половина двери широко распахнулась. Перед Вийоном предстал высокий, худощавый и мускулистый мужчина, впрочем, слегка согбенный. У него была крупная, но прекрасной лепки голова; нос – широкий у основания, но с тонкой переносицей, переходящей в высокие брови аристократа; рот и глаза окружала сеточка морщин; густая седая борода была аккуратно пострижена квадратом. В неярком свете фонаря, который мужчина держал в руке, он выглядел, возможно, благороднее, чем являлся таковым на самом деле; но лицо его было прекрасно, лицо человека почтенного – честного, умного и властного.

– Вы весьма сильно припозднились, сэр, – вежливо произнес старик звучным голосом.

Сжавшись, Вийон принялся подобострастно извиняться; в таких случаях в нем брал верх попрошайка, а гений сникал в смущении.

– Вы замерзли, – продолжил старик, – и наверняка голодны. Что ж, входите. – Он пригласил его в дом величественным жестом.

«Какой-то знатный господин», – подумал Вийон, в то время как хозяин, поставив фонарь на плиточный пол, вернул запоры на свое место.

– Надеюсь, вы не против, если я пойду впереди, – произнес хозяин, закончив запирающую дверь, провел поэта наверх, в большой зал, который обогревала жаровня с древесным углем, а освещала огромная люстра. Мебели почти не было, только буфет, в котором виднелась золотая посуда, несколько старинных фолиантов, а еще витрина с оружием в простенке между окнами. Стены были затянуты двумя гобеленами тонкой работы: на одном изображалась сцена распятия Христа, на другом – пастухи и пастушки отдыхали возле ручья. Над камином висел родовой герб.

– Устраивайтесь, – предложил старик, – и извините за то, что мне придется вас оставить. Этой ночью я в доме один, и если вам хочется перекусить, то мне нужно подать все самому.

Стоило хозяину выйти за дверь, как Вийон вскочил со стула, на который только что опустился, и начал обследовать помещение воистину с кошачьей сноровкой и интересом. Он взвесил в руках золотые графины, перелистал все фолианты, внимательно рассмотрел герб, ощупал обивку на стульях. Подняв занавеси на окнах, увидел, что вместо стекол там цветные витражи с изображением военных сюжетов. Затем, остановившись посреди залы, он сделал глубокий вдох, задержал дыхание и, надув щеки, огляделся, крутясь на каблуках, словно хотел отложить в памяти каждую деталь убранства.

– Семь предметов из сервиза, – пробормотал Вийон. – Было бы десять, тогда я бы рискнул. Прекрасный дом, чудесный старик, черт побери!

Услышав шаги хозяина в коридоре, он метнулся к стулу и со скромным видом принялся греть у жаровни промокшие ноги.

Вошел его благодетель, держа в одной руке блюдо с мясом, а в другой – кувшин вина. Опустив блюдо на стол, жестом предложил Вийону придвинуться к столу, а сам отошел к буфету, из которого достал два кубка и наполнил вином.

– Я пью за вашу удачу, – серьезно заявил он, чокнувшись с кубком Вийона.

– А я за то, чтобы нам лучше узнать друг друга, – осмелел поэт.

Простолюдин испытал бы благоговение перед вежливостью старого господина, но только не Вийон; ему уже доводилось развлекать сильных мира сего, поэтому он считал их такими же отъявленными жуликами, как и самого себя. И поэт принялся за еду с удовольствием сильно изголодавшегося, в то время как старик, откинувшись на спинку стула, стал разглядывать его с откровенным и спокойным любопытством.

– У вас кровь на плече, мой поздний гость, – вдруг сказал он.

Должно быть, Монтиньи положил на него свою окровавленную ладонь, когда он уходил из домика. Поэт мысленно проклял мерзавца.

– Не я пролил кровь, – запинаясь, ответил он.

– Я так и подумал, – тихо заметил хозяин. – Драка?

– Что-то в этом роде, – немного поколебавшись, согласился Вийон.

– Наверное, убили беднягу?

– Нет, не убили. – Поэт приходил во все большее смущение. – Там все было почестному – убийство по неосторожности. Я в этом не участвовал, разрази меня господь! – наконец, признался он.

– Одним негодяем меньше, осмелюсь предположить, – заявил хозяин дома.

– У вас есть полное на это право, – согласился Вийон с видимым облегчением. – Он был большой негодяй, настолько большой, насколько велико расстояние отсюда до Иерусалима. Умер, задрвав конечности, как овца. Все равно, смотреть на это было противно. Осмелюсь предположить, что вы видели много мертвецов в своей жизни, мой господин? – добавил он, бросив взгляд на выставленное оружие.

– Много, – сказал старик. – Я участвовал в нескольких войнах, представьте себе.

Вийон отложил вилку с ножом, за которые только что взялся и спросил:

– Были среди них лысые?

– О, да. И такие же седые, как я.

– Не думаю, что меня так уж заботят седые, – заметил Вийон. – Тот был рыжий. – Его снова затрясло, и чтобы не разразиться истерическим смехом, он сделал большой глоток вина. – Мне слегка не по себе, когда я вспоминаю про это, – продолжил он. – Проклятье, я хорошо знал его!

– У вас есть деньги? – спросил старик.

– Одна серебряная монетка, – ответил поэт со смехом. – Я вытащил ее из чулка у замерзшей девки, там, в портике брошенного особняка. Она была мертва и холодна, как храм в стужу, с обрывком ленты в волосах. Мир становится ужасен

зимой для волков, потаскух и бродяг, как я.

– Я Энгерран де ла Фейе, сеньор де Бризетуа, байи дю Пататрак, – сказал старик. – А вы кто?

Вийон поднялся, отвесил низкий поклон и представился:

– Мое имя – Франсуа Вийон. Бедный магистр искусств из местного университета. Немного владею латынью и знаком со множеством пороков. Могу писать песни, баллады, поэмы в стихах – большие и маленькие, рондо и так далее, и имею большую склонность к вину. Я родился на чердаке, а умру, должно быть, на виселице. Стоит добавить, мой сеньор, что начиная с этой ночи – я ваш покорный слуга.

– Вы мне не слуга, – отрезал старый рыцарь. – Вы – мой гость на эту ночь, и не более того.

– И очень благодарный гость, – вежливо заметил Вийон.

– Вы умны, – начал старик и легонько постучал себя по лбу. – Очень умны. Вы образованный, грамотный человек, однако, забрали мелочь у мертвой женщины на улице. Разве это не воровство?

– Такое воровство очень часто практикуется во время войн, мой сеньор.

– Поле брани – это поле благородства, – возразил старик с гордостью. – Там человек жертвует своей жизнью; он сражается за своего короля, во имя Господа, во имя всех его святых и ангелов.

– Представим, – сказал Вийон, – что я действительно вор, разве в таком случае мне не приходится рисковать своей жизнью, и рисковать намного серьезнее?

– Ради выгоды, а не чести!

– Выгоды? – пожал плечами Вийон. – Выгода! Бедняга хочет поесть, и добывает себе еду. Так же поступает солдат во время военной кампании. А что такое все эти реквизиции, о которых мы так наслышаны? Если это и не выгода для тех, кто

их проводит, то уж точно потери для другой стороны. Солдаты наливаются вином, расположившись у огня, а в это время горожанин ломает голову над тем, как обеспечить их питьем и дровами. По всей стране я видел крестьян, повешенных на деревьях; о, однажды их было человек тридцать на одном вязе – прискорбное зрелище! А когда я поинтересовался, почему они там очутились, мне объяснили, что бедняги все вместе не смогли наскрести достаточное количество крон, которое бы устроило военных.

– Такие вещи неизбежны во время войны, и люди низкого рода должны переносить их со стойкостью. Это правда, что некоторые командиры могут перегибать палку. В армии есть люди, не знающие жалости, кроме того, некоторые из них – настоящие разбойники.

– Выходит, – сказал поэт, – что вы не можете отделить солдат от разбойников; а вор – это всего лишь разбойник-одиночка, который ведет себя более осмотрительно. Я стащу пару бараньих отбивных, причем, не потревожив спящих. Крестьянин, конечно, поворчит, но, тем не менее, с удовольствием поужинает тем, что у него осталось. А вы приходите в грохоте победных труб, забираете всю овцу целиком, да в придачу еще благочестиво лупите крестьянина до потери сознания. У меня нет ни труб, ни барабанов; я всего лишь бродяга и мерзавец, и, скажу честно, оказаться на виселице – не самая плохая участь для меня. Но вы поинтересуйтесь у бедного крестьянина, кого из нас он предпочтет, и кого из нас он будет проклинать, что есть сил, в бессонные холодные ночи.

– Сравните себя и меня, – предложил хозяин дома. – Я хоть и стар, но полон сил и уважаем. Если завтра мне выпадет оказаться на улице, то сотни людей будут испытывать гордость, приютив меня. Бедняки с готовностью проведут ночь на улице вместе со своими детьми, если я только намекну, что хочу остаться в их доме один. А вы? Скитаетесь по улицам, не зная, где преклонить голову, по пути обираете мертвую женщину! Я не боюсь людей, меня ничто не пугает; вы же начинаете дрожать и бледнеть от одного лишь моего слова. В своем собственном доме я умиротворенный жду, когда Господь призовет меня, или король, если ему так будет угодно, вновь позовет меня принять участие на поле битвы. А вы того и гляди закончите жизнь на виселице, пакостной, насильственной смертью без надежды или почета. Разве между нами нет разницы?

– Такая же, как между солнцем и луной, – согласился Вийон. – Но если бы я был рожден повелителем Бризетуа, а вы были бы бедным школяром Франсуа, не была бы такой же большой разница между нами? Разве это не я грел бы мои колени у жаровни, а вы в это время ковырялись в снегу в поисках жалкой монетки? Разве это не я был бы рыцарем, а вы – вором?

– Вором? – воскликнул старик. – Я – и вор! Если бы вы понимали, о чем говорите, вы бы об этом пожалели.

Вийон развел руками с неподражаемой наглостью.

– Если бы, ваша светлость, смогли бы оказать честь выслушать мои аргументы!

– Я оказал огромную честь, согласившись на ваше присутствие, – сказал старый воин. – Научитесь сдерживать свой язык в разговоре с людьми чести и преклонного возраста, иначе кто-нибудь более проворный, чем я, вынесет вам порицание в очень жесткой форме. – Поднявшись, он отошел в дальний конец комнаты, весь кипя от гнева и отвращения. Украдкой вновь наполнив свой бокал, Вийон с еще большим комфортом устроился на стуле, скрестил ноги и, подперев щеку рукой, положил локоть на спинку стула. Он наелся и согрелся; и ничуть не боялся старика, дав ему совершенно правильную оценку, при всей разнице между их такими несходными характерами. Ночь почти закончилась, проведенная им с таким удобством, и у него не было никаких сомнений, что утром он выйдет из этого дома целым и невредимым.

– Скажите мне вот что. – Хозяин перестал ходить из угла в угол. – Вы действительно вор?

– Напоминаю вам о священном праве гостеприимства, – ответил поэт. – Да, мой сеньор, я – вор.

– Но вы еще так молоды, – не останавливался старик.

– Я бы не дожил до этого возраста, – ответил Вийон и вытянул вперед пальцы, – если бы не ловкость вот этих десяти моих помощников. Они были мне кормящей матерью и кормильцем-отцом.

– Вы ведь еще можете раскаяться и измениться.

– Я каюсь каждый день, – сказал поэт. – Мало кто из людей раскаивается больше, чем бедный Франсуа. А что касается изменений, тогда пусть кто-нибудь изменит условия моей жизни. Человеку нужно что-то есть, чтобы иметь возможность продолжать каяться.

– Все изменения начинаются в сердце, – торжественно проговорил старик.

– Мой дорогой сеньор, вы в самом деле считаете, что я ворую ради удовольствия? – приподнял брови Вийон. – Мне ненавистно воровство, как и любой другой вид трудовой деятельности, а эта, к тому же, еще и опасна. При виде виселицы, у меня зубы начинают выбивать дробь. Но я должен что-то есть и пить, вращаться в обществе определенного сорта. Какого дьявола! Человек ведь животное стадное, он не живет уединенно. Как говорится, *Cui Deus faeminam tradit*[2 - И дал Бог женщину (лат.)]. Дайте мне место королевского духовника – назначьте меня аббатом Сен-Дени; назначьте меня байи Пататрака; и тогда я изменюсь обязательно. Но пока вы оставляете меня тем, кем я являюсь – нищим школяром Франсуа Вийоном, без единого фартинга в кармане, я, конечно, останусь самим собой.

– Милость божья не имеет границ.

– Я стал бы еретиком, если бы усомнился бы в этом, – сказал Вийон. – Это Он сделал вас повелителем Бризетуа и байи Пататрака; а я получил от Него лишь умную голову, которую венчает шляпа, да вот эти десять пальцев на руках. Вы позволите, я еще налью себе вина? Благодарствуйте! По милости божьей, у вас вино прекрасного урожая.

Заложив руки за спину, сеньор Бризетуа расхаживал по комнате. Возможно, ему было трудно совместить в уме параллель между ворами и солдатами; возможно, Вийон заинтересовал его, и он испытывал к нему что-то вроде симпатии; возможно, он просто не мог уяснить для себя что-то; но в чем бы ни заключалась причина, старику почему-то захотелось наставить молодого человека на путь истинный, поэтому он был не готов прямо сейчас вновь выгнать его на улицу.

– Тут есть нечто большее, чего мне не дано понять, – наконец, сказал старик. – Ваша речь полна изысканностей, и дьявол уводит вас далеко в сторону; однако

дьявол всего лишь немощный дух перед лицом правды Господа, и всякая утонченность рассыпается в прах от единого слова Его истины, как исчезает тьма при наступлении утра. Выслушайте меня еще раз. С давних пор для меня непреложным стало то, что благородный человек должен жить по-рыцарски, поклоняться своему Богу и королю; преклоняться перед своей дамой сердца; и хотя за свою жизнь мне довелось увидеть многое, что казалось несправедным, я все равно старался руководствоваться этими правилами. Об этом не только написано во всех рыцарских романах, но и в сердце любого человека. Вы говорите о еде и вине, и мне прекрасно известно, насколько невыносимо чувство голода; но при этом вы ни разу не упомянули о других потребностях – вы ничего не сказали о чести, о вере в Бога и о доверии к людям; о правилах вежливости, о любви без упреков. Возможно, я не слишком умен – хотя так мне не кажется – тем не менее, вы производите впечатление человека, который сбился с пути и допустил огромную ошибку. Вы отдаетесь мелким желаниям и полностью забываете, что существуют великие, по-настоящему важные цели. Это все равно что заниматься лечением зубной боли, в то время как наступил Судный день. Честь, любовь и вера не только выше еды и питья, но и, как мне кажется, мы желаем их больше, и сильнее страдаем от их отсутствия. Я говорю об этом с вами, потому что считаю, что вы легко поймете меня. Неужели когда вы набиваете брюхо до отказа, то не обращаете внимания на то, что ваше сердце испытывает голод иного рода? И не это ли портит вам удовольствие от жизни, вызывая чувство непреходящего несчастья?

Вийон был уязвлен до глубины души всеми этими проповедями.

– Вы считаете, что у меня нет чувства чести! – воскликнул он. – Я бедняк, видит бог! Невыносимо смотреть, как богатый идет в перчатках, а мне приходится дышать на руки, чтобы согреть. И пустой желудок – ощущение очень тяжелое, хоть вы и говорите об этом так легкомысленно. Если бы вам пришлось голодать столько, сколько доводилось мне, возможно, вы запели иначе. Как ни крути, я вор, – но я не исчадие ада, разрази меня господь! К вашему сведению, у меня есть свои понятия о чести, такие же высокие, как и у вас, хотя я не талдычу об этом целыми днями, как о каком-то чуде господнем. Для меня это совершенно естественно; и я держу это при себе до какого-то определенного момента. Теперь подумайте вот о чем – сколько времени я провел с вами в этой комнате? Разве вы не сказали, что в доме, кроме вас, больше никого нет? Взгляните на вашу золотую посуду! Вы, конечно, человек сильный, если угодно, но старый и без оружия, а у меня есть кинжал. И вздумай я: одно короткое движение, и вы получили бы холодную сталь в живот. И потом ищите меня сколько угодно по всему городу, нагруженного золотыми кубками. Вы полагаете, что мне не

хватило ума сообразить это? Но для меня такой поступок неприемлем. Вот они ваши кубки по-прежнему в такой же сохранности, как в церкви, а это вы стоите тут, целый и невредимый, а это – я, готовый уйти отсюда таким же бедным, каким и вошел сюда, с одной мелкой монеткой, которой вы меня попрекаете! Можете и дальше думать, что у меня нет понятия о чести, разрази меня господь!

Старик вытянул вперед правую руку:

– Я вам скажу, кто вы такой. Вы – мерзавец, любезнейший, наглый, беззастенчивый мерзавец! И бродяга, к тому же. Я провел в вашем обществе час. О, поверьте, у меня такое чувство, будто я себя опозорил! Вы ели и пили за моим столом. Но теперь я сыт по горло вашим присутствием. День настал, и ночной птице пора вернуться в свое гнездо. Вы пойдете впереди меня или за мной?

– Да как вам угодно, – поднимаясь из-за стола, ответил поэт. – Не сомневаюсь в вашем благородстве. – Задумчиво допил вино. – Хотелось бы, чтобы можно было добавить, что вы в своем уме. – Он постучал себя костяшками пальцев по голове. – Но годы, знаете ли! Ведь годы берут свое. Мозги размягчаются и перестают соображать.

Старик пошел впереди, демонстрируя уважение к себе; за ним проследовал Вийон, насвистывая, и засунув большие пальцы за пояс.

– Господь сжалится над вами, – сказал повелитель Бризетуа, дойдя до дверей.

– До свидания, папаша, – зевнув, откликнулся Вийон. – Премного благодарен за холодную баранину.

Дверь за ним захлопнулась. Рассвет уже озарил белые крыши. Промозглое, недоброе утро предвещало такой же день. Стоя посреди улицы, Вийон с наслаждением потянулся. и подумал: «Весьма занудный старикан. Интересно, а сколько стоят его золотые кубки?»

Дверь сира де Малетруа

Дени де Болье не минуло еще двадцати двух лет от роду, но он считал себя вполне взрослым и совершенным кавалером. В те грубые, воинственные времена мужчины рано развивались. Если юноша участвовал хотя бы в одном правильном сражении или в десятке набегов и успел кого-нибудь убить приличным образом, если при этом он мог поговорить о военном искусстве и усвоил обычные манеры людей своего круга, то его и взаправду считали «совершенным кавалером» и легко прощали невинное фанфаронство – стремление казаться старше своих лет.

Дени с должной заботливостью поставил свою лошадь в конюшню гостиницы, с должной солидностью поужинал, а затем в отличном расположении духа отправился в гости. Это было не особенно благоразумно. Лучше было дожидаться утра, так как город занимали английские и бургундские союзные войска, и хотя у Дени в кармане был пропуск для ходьбы вечером по улицам, но это была не очень надежная защита при возможных случайных столкновениях в городе, объявленном на военном положении.

Дело происходило в сентябре 1429 года. Погода стояла отвратительная. Порывистый, бешеный ветер с дождем крутил опавшие с деревьев аллеи листья. Кое-где в окнах виднелся свет; временами до слуха Дени доносились и быстро умолкали крики и гульба веселившихся после ужина солдат. Быстро наступала ночь. Английский флаг, развевающийся на верху высокого шпиля, побледнел на фоне бегущих облаков, уносимых ветром, и превратился в темное пятно, похожее на провал в бурном, свинцово-сером хаосе неба.

Дени де Болье шел быстро и вскоре уже стучал в двери дома, где жил его друг. Но, хотя он и обещал самому себе пробыть недолго и рано вернуться домой, его встретили так радушно и самому ему было так весело, что давно уже прошла полночь, когда он попрощался на пороге со своим приятелем. За это время ветер стих, но на улице было черно как в могиле, из-за густых туч не видно было ни звезд, ни луны. Дени был плохо знаком с запутанными переулками Шато-Ландона; даже днем он затруднился бы в выборе между ними, а теперь, при совершенной темноте, он вскоре совсем потерял дорогу. Он знал только одно – надо подняться на холм, так как дом его друга находился на нижнем конце города, а гостиница Дени стояла наверху, у церкви. Руководствуясь одним этим указанием, он подвигался точно ощупью и вскоре вышел на открытое место, где над головой виднелся уже порядочный кусок неба. Жуткое и неприятное положение – очутиться в полной темноте в почти незнакомом городе!

Прикосновение руки к холодным оконным переплетам заставляет человека вздрагивать, как от прикосновения жабы; от неровностей мостовой он то и дело спотыкается; в наиболее темных местах ему угрожают неровности и ямы; и чем яснее воздух, тем более странный, непонятный вид принимают дома и отклоняют путника от верного пути. Дени все это на себе испытал. Но надо было скорее добраться до гостиницы – только там можно было считать себя в безопасности, – и потому он шел как можно быстрее, но осторожно, останавливаясь на каждом углу, чтобы рассмотреть дорогу.

Некоторое время он шел по такому узкому переулку, что мог прикоснуться руками к противоположным стенам. Затем переулок круто обрывался вниз. Было ясно, что эта дорога не вела к его гостинице, но надежда на лучшее освещение побудила его пойти вперед на разведку. Переулок оканчивался террасой со сторожевой башней, в которой было отверстие. Через это отверстие, как сквозь амбразуру, можно было различить далеко внизу долину под городом, а в ней темную аллею, сквозь которую светлым пятном виднелась полоса реки, протекавшей здесь через шлюзы. Небо несколько прояснилось, висшие тучи уже заметно отделялись от черных вершин окрестных холмов.

Оглянувшись на террасу, Дени смог рассмотреть, что ближайший дом отличается необычайной архитектурой. Прежде всего его поразил слабый свет наверху, точно из многих отверстий. Вглядевшись, Дени различил, что этот свет исходит из замысловатой сети фигурных оконцев круглой часовни, но сама часовня словно висит в воздухе. Он не сразу рассмотрел, что ее поддерживает ряд других откосов, отходящих от массивной стены дома. Этот слабый свет еще резче оттенял черноту остроконечной крыши и нескольких примыкавших к ней башенок. Затем Дени увидел и большой глубокий портик, украшенный изваяниями, а над ним – две каменные горгульи, скрывавшие в своих пастьях концы длинных водосточных труб. Дени решил, что это городское жилище какого-нибудь знатного сеньора, вспомнил вдруг свой дом в Бурже и еще некоторое время постоял здесь, мысленно сравнивая архитектуру обоих домов, богатство и знатность их обитателей.

Надо было подумать о дальнейшей дороге. От террасы, казалось, был лишь один выход – тот самый переулок, который привел его сюда. Оставалось только подняться по нему обратно. Дени это не смутило: он теперь знал, что находится высоко на горе и потому недалеко от главной улицы, где стояла его гостиница. Дени быстро двинулся по переулку, но не успел пройти сотню-другую шагов, как увидел факелы спускающегося патруля и услышал громкие голоса солдат. Дени

приостановился и с тревогой заметил, что солдаты пьяны. «С ними и пропуск не поможет – могут убить прямо как собаку, и баста!» – подумал Дени. Он решил потихоньку удалиться.

К несчастью, когда он быстро обернулся, чтобы побежать назад, то споткнулся о камень и упал, не сдержав легкого крика, а его шпага громко зазвенела, ударившись о камни мостовой. Два или три солдата крикнули по-французски и по-английски: «Кто там?» Дени не ответил и быстро побежал вниз по переулку. На террасе он приостановился, чтобы осмотреться. Солдаты уже бросились в погоню, громко бряцая оружием и направляя факелы во все темные уголки.

Дени огляделся кругом и бросился в портик того дома, которым недавно любовался. Там его могли совсем не заметить, и, во всяком случае, это была позиция сравнительно очень выгодная для ведения переговоров или самозащиты. Думая так, он вынул шпагу и прислонился к двери. К его удивлению, дверь поддалась под давлением его спины и, хотя он в тот же момент отскочил, продолжала открываться на бесшумных, смазанных маслом петлях, пока не открылась полностью. За дверью было совершенно темно. Когда обстоятельства благоприятствуют заинтересованному человеку, он не особенно расположен критически разбирать, как и почему это произошло, – его собственное личное удобство кажется достаточным объяснением наиболее странных и неожиданных перемен в подлунном мире. Поэтому Дени, ни секунды не раздумывая, вошел внутрь и притворил за собой дверь, чтобы обеспечить себе убежище. Ему не приходило в голову закрыть ее совершенно, но по какой-то необъяснимой причине – может быть, благодаря пружине или скрытой гире – тяжелая масса дубового дерева выскользнула из его рук и захлопнулась с сильным стуком.

В этот самый момент патруль уже подошел к террасе, продолжая окликать беглеца с угрозами и ругательствами. Дени слышал, как солдаты разыскивали его во всех закоулках террасы; они подошли даже к двери, за которой стоял Дени, и несколько раз ткнули в нее мечами. К счастью, весь патруль был слишком навеселе, чтобы довести поиски до конца. Они удалились, и скоро совершенно умолкли пьяные крики и бряцанье оружия.

Дени вздохнул свободно. Для безопасности он подождал еще несколько минут, а затем стал ощупывать дверь, чтобы открыть ее и снова выйти на террасу. Внутренняя сторона двери оказалась совершенно гладкой: не было ни ручки, ни украшений, ни выступов. Он запустил ногти в края двери и потянул ее к себе, но

она не поддавалась. Он попробовал ее потрясти, но она оказалась крепкой, как скала. Дени де Болье нахмурился и тихонько присвистнул. «Что с дверью? – удивлялся он. – Каким образом она открывалась?» Как могла она так легко и крепко закрыться за ним? В этом было что-то темное и таинственное, что не очень нравилось молодому человеку. Все это было похоже на западню, но кто мог предполагать западню в таком спокойном и великолепном доме, благородном даже по внешности? И однако, западня это или не западня, намеренная или ненамеренная, а он был отличнейшим образом пойман – на улицу не было никакого выхода. Темнота начала давить его. Дени стал прислушиваться: сначала все вокруг казалось тихо, но вдруг где-то недалеко послышался точно слабый вздох, тихое рыдание, а затем – осторожный скрип, как будто поблизости скрывались люди, старавшиеся не производить никакого шума. Все существо Дени потрясла мысль об опасности, и он повернулся лицом по направлению подозрительных звуков. Тогда в первый раз он увидел внутри дома, на некоторой высоте, полоску света, которая, казалось, выходила через щель между двумя половинками какой-то портьеры. Видеть свет было уже облегчением для Дени; он почувствовал что-то вроде того, что испытывает человек, который долго не мог выбраться из болота и вдруг нащупывает ногой твердую почву.

Он стоял и пристально глядел на полоску света, стараясь связать воедино некоторые логические соображения относительно всего его окружающего. Очевидно, что к двери, из которой шел свет, вели ступеньки. Он увидел и другую полоску света, тонкую, как игла, и слабую, как фосфорический отблеск, которая точно скользила по полированному дереву перил. С тех пор как ему пришло в голову, что он не один, сердце его забило с необыкновенной силой, и непреодолимое желание что-либо предпринять всецело овладело им. Ему казалось, что он находится в смертельной опасности. Что же могло быть естественнее, чем подняться по ступенькам, отодвинуть портьеру и сразу пойти навстречу всем неприятностям? Во всяком случае, он должен узнать что-нибудь, а кроме того, он не будет больше в темноте. Дени тихонько зашагал вперед с протянутыми руками, пока ноги его не коснулись ступенек; затем он быстро поднялся по лестнице, остановился на мгновение, чтобы собраться с духом, и, с силой раздвинув портьеру, вошел.

Он очутился в очень большой комнате с облицовкой из камня. В трех стенах было по двери, а в четвертой – два больших окна, между которыми находился камин, украшенный резьбой и гербами рода де Малетруа.

Дени узнал гербы и был доволен, что очутился в таком хорошем доме. Комната была ярко освещена, но в ней почти не было мебели, кроме массивного стола и двух кресел. Камин не топился. Пол был устлан камышом, очевидно, очень старым.

На высоком кресле около камина, как раз лицом к Дени, сидел маленький старый джентльмен, закутанный в меховую накидку. Он сидел со скрещенными ногами и сложенными на груди руками; кружка с пряным вином стояла около него на полочке у стены. Лицо его носило выражение мужества и силы – но какой-то нечеловеческой силы. Скорее, это было выражение, какое мы встречаем у быка, козла или борова: двусмысленное и льстивое, алчное, свирепое и опасное. Верхняя губа его была очень толста, точно распухла от удара или зубной боли; улыбка, остроконечные брови и маленькие острые глаза имели странное, какое-то комически-неприятное выражение. Роскошные седые волосы обрамляли все лицо, как у святого, и одной густой прядью ниспадали на воротник. Борода и усы могли служить образцом старческой красоты. Однако возраст – быть может, вследствие особенных предосторожностей и тщательного ухода – нисколько не отразился на его руках, которые выделялись своим изяществом. Было бы трудно себе представить, не видя его, это сочетание чего-то плотского и деликатного в форме его рук: заостренные пальцы напоминали пальцы женщин Леонардо да Винчи. Ногти были вполне совершенной формы и отличались мертвенной, поразительной белизной. Вид старика казался тем более страшным, что такие руки подходили бы к деве-мученице, сложившей их на своей груди, но представляли слишком сильный контраст с жестким, прямо жутким выражением лица этого человека. Он же, точно языческий бог или его изваяние, сидел неподвижно на стуле, с глубокой иронией и коварством во взгляде.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Для человека сие невозможно (лат.).

2

И дал Бог женщину (лат.).

Купить: https://tellnovel.me/ru/stivenson_robort-l-yuis/nochleg-fransua-viyona

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)